

Елена

Тулущева

«ПОДЪЕЗД»

Цикл рассказов

Елена Тулушева пишет строгую, жесткую и притом тонкую, истинно художественную прозу. Ее рассказы оставляют ощущение документальности. Не думаю, что они действительно документальны, но настоящий реализм и должен быть достоверным. Реализм призван к тому, чтобы люди поверили: вот так и было на самом деле. В этом его сила, в этом сила и редкий нынче дар Елены Тулушевой. Она не играет словами, смыслами, интеллектом; не играет в литературу. Она ее создает. Превращает в кристаллики месиво ежедневной жизни, запечатлевает людей с их нехитрыми, но все же особенными, неповторимыми в деталях судьбами...

Роман Сенчин

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Мария Васильевна неспешно оделась: натянула спортивные брюки, ветхую блузу, достала калоши, повязала косынку. Дом начинал затихать. Миша бы очень ругался, увидь он ее сейчас в «таких лохмотьях». Но она все рассчитала. Два года бессонницы дали ей достаточно времени, чтобы изучить ритм жизни соседей.

Программа «Время» давно закончилась, собачники возвращались с прогулок – значит, уже начало одиннадцатого. Виктор с третьего этажа вернется не раньше часа. Его смена в автобусном парке до полуночи. Он единственный, кто может пройти мимо нее. Из «неспящих» есть еще молодежь. Они часто подолгу стоят у подъезда, шумно расходясь уже за полночь. Но, во-первых, они откуда-то сверху и всегда ездят на лифте. А во-вторых, сегодня понедельник. Мария Васильевна давно заметила, что по понедельникам жильцы стараются поскорее прийти домой и больше не выходят. Устают. Подъезд засыпает раньше. Она потому и выбрала понедельник – первый понедельник каждого месяца. Вот, например, в пятницу она бы не рискнула. Подъезд бурлит, гудит, суетится. Всю ночь слышен топот. А зимой эти с верхних этажей вообще так и сидят на лестнице, курят, выпивают и все болтают, болтают. Слышно даже через закрытую дверь.

Когда-то, еще в первый год после переезда, она посоветовалась было с Мишей, не поговорить ли с ребятами, чтобы вели себя потише. Сын разгорячился:

– Это тебе не Гомель! Не надо здесь никого воспитывать! Ты понимаешь, что здесь так не делают?! – потом заметил ее растерянность и, чуть мягче добавил: – Мам, я тебя прошу. Пожалуйста. У меня и так столько проблем. Не усложняй. Сидят они, лично тебе ведь спать не мешают?

– Да мне-то, Мишенька, не мешают. Я и днем могу прилечь, а остальным каково? У нас и с детьми семьи есть, а на первом этаже пара врачей. Им бывает с утра на дежурство. Я же только попросить хотела, чтобы потише...

– Мам, пожалуйста, заканчивай эти свои привычки. Вот ведь, зашел на чай, а в итоге, как попугай, одно и то же тебе объясняю! По какому разу, а ты не слышишь!

– Мишенька, ты извини-извини! – всполошилась она. – Я не буду. Я тебя поняла. Ты поешь, отдохни, а я молча посижу. Извини меня.

Так и не поняв реакцию сына, она все же не решилась поговорить с шумной компанией, хотя и была уверена, что нашла бы нужные слова. Все-таки тридцать пять лет проработала в школе. Почетный гражданин города. Сколько было сложных ребят, непростых семей, но диалог всегда получался.

Она была строгим учителем. За принципиальность и активность директор продвигал ее по партийной линии. «А разве можно было быть не принципиальной, – привычно заговорила она сама с собой. – История это не литература: двух мнений здесь быть не может. А история компартии в старших классах – тем более. Разве можно тут искать компромиссы? Так не патриотов вырастишь, а предателей. Их ведь, молодых, так легко запутать, так легко увести по ложному пути. Тогда нам, конечно, было проще. Учебники на всю страну одинаковые, программа утвержденная, идея единая. Была система, была логика. А вот как им преподают события 90-х? Ведь и не поймешь, раньше одна страна была... А сейчас, Миша говорит, каждый учитель может выбрать, какую точку зрения преподносить на уроках. Вот и хамят ребята педагогам, потому что чувствуют, что нет у старших единства, нет честных ответов, оттого и уважения у детей к старшим нет».

Она зашла в кухню, по привычке взяла сухую тряпку и протерла раковину. Подставила под кран пластиковую баночку из-под сметаны. Миша чинил кран в прошлом месяце, но тот снова подтекал, и за ночь раковина покрывалась бисером брызг. Вымытая посуда высохла. Она переложила приборы в шкаф, повесила влажное полотенце на батарею и огляделась в поисках чего-нибудь недоделанного. Всё чисто. Руки по привычке потянулись к радио. После треска раздалась знакомые речи «Политического обозрения». «Гьфу, пропади вы пропадом. Одно и то же мусолят. Лучше бы Радзинского включили. А то вас, лодырей, каждый вечер слушать, а его только по субботам! Ведь какой умничка, как рассказывает... С голосом только не повезло», – она вздохнула, сопереживая писклявому телеведущему.

Мария Васильевна подошла к окну. Со второго этажа проглядывался небольшой участок широкого проспекта. Ей нравилось вечерами смотреть на разноцветные огни автомобилей и яркие витрины. Ночами было красиво, хоть и шумно. А вот днем она старалась в окна не глядеть, особенно засушливым летом. Выцветший на ярком солнце пейзаж навевал уныние: серое шоссе, пыльные тротуары, изможденные жарой люди. Из окон не видно было ни одного дерева. А с прошлого года убрали и газоны. Миша был доволен: «Наконец парковки у

вас нормальные сделали, а то, как ни приедешь, один стресс, где бы во дворе прибиться!» Ей было тоскливо наблюдать, как последние зеленые лоскутки – единственные маяки лета, исчезают под серой гладью асфальта. Но если это облегчит сыну приезды в гости, то, что ж, она потерпит. Она потерпит.

В Гомеле вокруг ее окон извивалась виноградная лоза. Летом тени от листьев кружились по кухонному столу, выписывая узоры, как в детском калейдоскопе. Ее маленький огородик, плотно засаженный овощами и малиной, пестрел всеми оттенками зеленого. Летом приезжали внучки, и весь день проходил в готовке. Но когда она возилась у плиты, переворачивая к полднику ароматные пышки, или строчила девочкам кружевные выходные платьца, она, и не глядя в окно, знала, какая картинка снаружи. Каждый куст, каждую вишню соседского огорода, лужайку с ребятей, обрамленную аккуратными сараями, яблоню у общей калитки. Она прожила здесь сорок лет. Они сами с мужем строили этот дом, как и другие пятнадцать семей. Строили долго, добротнo, для себя, для детей, для внуков. Два этажа, два подъезда, погреб, огороды, сараи, закрывающие двор от посторонних глаз. Сорок лет ничего не менялось. Только деревья росли все выше, да выюн расползся от крыши подъезда, укрывая темной зеленью весь фасад дома.

Когда она вышла из квартиры, в подъезде было темно и холодно. Отопление включали только в конце октября. У них в Гомеле в доме была газовая колонка. Тепло и горячая вода каждый день. После переезда сюда, ей казалось странным снова мыться из тазика летом, как в далеком довоенном детстве.

Из-за соседской двери доносились звуки сирены и стрельбы: сосед засел за сериал. Значит, уже одиннадцать. Она тихонько прикрыла дверь, не решаясь захлопнуть. В прошлый раз из-за перегоревшей лампочки она долго не могла попасть ключом в скважину. И чем дольше пыталась, тем сильнее переживала, что кто-то из соседей ее увидит, а потом Мише скажут, и он снова будет ругаться, что она занимается не своим делом и позорит его своим видом. «А в каком, прикажешь, виде выходить? – рассуждала она, натягивая плотные резиновые перчатки. – И потом, ведь я всегда в чистом. А что не новое – так ведь и не на танцплощадку». Она беззвучно переставила к лифту ведро с водой, развернула цветастый, вручную обметанный лоскут ткани, бывший когда-то ее домашним платьем, и беззвучно погрузила его в воду. Отжав тряпку, насколько хватило сил, она поднялась на один лестничный пролет и принялась плавно, одну за другой, мыть ступени. Спустившись к площадке своего этажа, она прополоскала тряпку, с облегчением заметив, что грязи накопилось не так много. В прошлом месяце всю неделю до ее «дежурства» город затапливали ливни, и воду пришлось дважды менять. А это время и силы: на улицу вылить, подняться...

Сейчас было сухо. Дожди ушли, а снег пока ни разу не укрывал столицу. Да и пару недель назад к ним все-таки заглянула уборщица – тучная женщина в грязной сине-оранжевой форменной куртке с обветренным лицом. Убирать должны были раз в месяц, но уборщица приходила, только когда Рая с первого этажа звонила с жалобами в ЖЭК. Мария Васильевна тоже хотела звонить в ЖЭК, но Миша, услышав это, заворчал: «Ну почему тебе всегда больше всех надо, мам?! Какая тебе разница, что там. Ты же не в подъезде живешь, а в своей квартире. Придет время – уберут. Только не вздумай сама мыть – я тебя знаю! Или тем более соседям предлагать – решат, что ты не в себе».

Она и заикнуться не успела о своей идее, а Миша уже запретил! А ведь он и сам наверняка помнил, какой у них в доме был заведен порядок. Каждую неделю одна из квартир мыла оба этажа, график висел у входа. В подъезде всегда было чисто, никому и в голову не приходило плюнуть на лестнице или разрисовать стены. То были свои... Раньше ей казалось: свои – потому что ровесники, к труду в войну приучены, идеей одной шли, воспитанием общим жили. А их дети уже по инерции включались в правила дома. Но переехав сюда, Мария Васильевна с удивлением обнаружила, что дело не в возрасте. Две старушки с первого этажа ни разу за пять лет не ответили на ее «добрый день!». Притом та самая громкая молодежь здоровалась, даже когда она просила их не курить в подъезде. Ее сверстницы здесь жили по одиночке, ни с кем не общаясь, редко выбираясь из квартиры. Куда уж с ними было завести разговор о дежурстве. А к тем, что помоложе, она и сама с таким предложением не подошла бы: угрюмые по большей части, всегда торопятся, уставшие, раздраженные. Как и ее Миша в последнее время. Совсем другим ведь был.

Пока она вспоминала сына, его шутки, приключения и первые разочарования, она и не заметила, как уже дважды вымыла всю лестничную клетку. Легкий запах соды почти выветрился. Она выпрямилась, кряхтя от боли в спине и ногах. Чисто...

Мария Васильевна сидела на кровати, массируя колени дрожащими руками. Все было вымыто, выстирано, развешано. За стеной давно замолчал телевизор. Наверху сегодня никто не скандалил. Подъезд глубоко спал.

У входа послышались шаги, затем звуки кнопок домофона. Шаги устало зашаркали по ступеням, замерли перед вторым этажом...

Она улыбнулась, представив, как Виктор удивленно смотрит на сияющую чистоту и осторожно, стараясь не наследить, пробирается по краю лестницы домой.

Виктор привычным жестом выгреб из почтового ящика все бумаги и начал разбирать письма. «Опять одни счета! Света белого от вас не видно!» – он раздраженно сплюнул в коробку для листовок и поплелся домой.

ЗВУКИ МУЗЫКИ

– Вставай, тварь такая!

Господи, что случилось?

– Я тебя, мразь, сейчас пришибу!

На часах 8:05. Откуда доносится рев – не понятно.

– Школа, твою мать, через двадцать минут!

Школа? Да вроде уже за плечами институт. Кошмарные воспоминания из детства? Вроде такого не было.

– Ты у меня поспишь! Подняться она не может!

Послышались сдавленные вопли. Открыв глаза и сообразив, наконец, откуда доносятся крики, Лиза облегченно выдохнула. Недоумевая, она прошлепала кухню:

– Mam, это что?

– Ты о чем? А, это? – подняла она глаза к потолку. – Это артист свою дочь будит в школу. Доброе утро!

– Да уж, доброе... И давно это у них так?

– Года три. Ты просто раньше в будни не приезжала. Как жена его сбежала, так и началось.

Вопли продолжались еще минут пятнадцать. Конфликт, по-видимому, разрешился: в окно Лиза увидела вылетающую из подъезда растрепанную девчонку лет тринадцати с расстегнутым рюкзаком, на ходу натягивающую не по погоде легкую куртку. Со второго этажа ее лица было не разглядеть.

Когда Лиза была маленькая, сверху часто раздавались ритмичные постукивания. Мама говорила, что сосед «бьет чечетку». А теперь, похоже, бьет он свою дочь. Хотя через пару лет она вернет ему все сполна. Раньше Лиза и не видела девочку. На улицу своего ребенка соседи не выводили, но, судя по грохочущим перекатам, разрешали покататься дома на роликах. Однажды Лиза заметила в заоконном пейзаже метаморфозу: крепкий старый каштан побелел. Но не воздушные «свечки» соцветий украсили его: сверху на ветки плавно приземлялись серпантинки туалетной бумаги. Развлекалась соседская дочка. И ведь тогда на нее никто не накричал...

Еще часто ночами Лиза слышала вальсы и симфонии. Все тот же сосед включал классику не очень громко часа в три ночи, полагая, что все уже спят и не проснутся. Музыкальный мужик... Она отхлебнула горячего чая, размышляя, как странно меняются люди. Может, артисты, особенно неудачники, склонны к деспотизму? Сами живут под диктовку режиссёров, продюсеров и всяческих выжиг, вот и требуется компенсация. Не улучшает характер и бытовая неустроенность – гастроли по райцентрам, нетопленные ДК, гостиничные номера на пять коек, больше смахивающие на обшарпанные комнаты общаги...

Хотя этот еще ничего – сосед сбоку включал музыку днем, да погромче. Даже с годами Лиза так и не научилась понимать, что это: рок, металл или какая-то другая самодетельность. Отвратительный гортанный рев был сдобрен хаотически размазанными воплями электрогитар и рассыпающимися барабанными дробями. Вживую этого странного типа она видела не чаще, чем соседскую дочку сверху, но его музыку слышала даже через беруши. Безуспешно попытхев над «домашкой» под ядерный аккомпанемент, Лиза с детской вспыльчивостью усаживалась за пианино и изо всей мочи вбивала в клавиши бетховенского «Сурка». Сосед должен был испытать на себе всю тяжесть музыкальной мести!

– А рокера нашего что-то не слышно? – она поглощала завтрак, разглядывая унылое утреннее небо.

– Похоронили его летом. Утонул пьяным, царствие небесное. – Мама перекрестилась. – Еще сырников подогреть?

– Судя по его музыкальным вкусам, подземное царствие ему было ближе. Да, еще бы парочку навернула.

– Лиза, ну что за богохульство!

– Да ладно, может, он вообще неверующий был. Да и какая ему теперь разница – вряд ли обидится.

– Лиза!

– Да, мамуль? Слушаю тебя. Очень вкусные сырники, пасибки.

– На здоровье. Ты все-таки в родительском доме. Можно как-то без черного юмора?

– А без юмора в нашем доме никуда, ты же понимаешь. Ладно, пойду шкаф, что ль, разберу, пока время есть.

– Батюшки, что творится! С чего бы это?

– Кхм, я ведь и передумать могу... – она ехидно улыбнулась и пошла, напевая, в комнату.

Дом просыпался. Натужно гудели водопроводные трубы, нетерпеливо скользили стулья, щелкали дверные замки, неуклюже топали лестничные пролеты. Сонный лифт лениво карабкался вверх, чтобы, замерев на мгновение, выдохнуть вниз.

Ей захотелось посмотреть на этот поток жизни, выплывающий из подъезда. Она забралась на подоконник, сложила по-турецки ноги и оглядела «сцену». Дворник ритмично почесывал дорожку корявой метлой. Торопливые офисники загружали обрюзгшие тела в машины, ругаясь на узкие проезды. Раздраженная мамочка, собрав остатки выдержки, уговаривала плетущегося рядом недоспавшего малыша.

Двор терпеливо ждал, пока его жильцы отыграют привычные роли и разбегутся, оставив его наслаждаться антрактом до полудня. Жизнь будет кипеть где-то там, на проспекте, а здесь... тишина... до второго действия, в котором вернуться школьники, закопошатся по углам площадки, заполнят смехом подъездные пролеты. Домохозяйки выплывут с собачонками размером с ладонь. После обеда выползут и мирные пьянчуги посидеть у площадки. В это время они еще трезвые, выходят пообщаться. Двор снова оживет. И будет услужливо предоставлять свои подмостки до самой ночи.

Кстати, о пьяницах. В последние годы их почти не видать. Один только и остался местный псих с шестого этажа, сам с собой ругается, уже с утра закупившись алкоголем.

А когда Лиза была маленькая, в пресловутые девяностые никому не было дело до пьющих. Она вспомнила веселого кукловода из соседнего подъезда. Он иногда приходил к ним в детский сад со своими смешными номерами. А по ночам, хорошенько выпив, декламировал целые поэмы, прохаживаясь вдоль двора. Читал с выражением, громко. Никто его не гонял, не кричал с раздражением из окон. Принимая игру, жильцы припоминали строчки и старались проговорить их раньше хмельного чтеца.

Однажды они пошли с мамой в детский сад, а у соседнего подъезда стоял гроб. Лиза первый раз вживую увидела гроб. В нем лежал кукольник. Сморщенная бабулька сидела рядом на табуретке, поправляя венки. Кукольник был такой нарядный и чистый, лицо его было без щетины, заметно моложе, и улыбалось. Лизе показалось, что он был очень добрым в тот момент. Даже захотелось подойти поближе, но мама резко ускорила шаг, перекрестившись. Потом мама несколько раз переспрашивала Лизу, не плохо ли ей, не испугалась ли она. А чего было бояться – он вон какой лежал радостный. Еще мама как-то сбивчиво и не очень понятно рассказала, что так обычно делают в деревнях: выставляют гроб, чтобы соседи могли проститься. Лиза не поняла, почему только в деревнях, но спрашивать не стала: уж очень мама торопилась и как будто сердилась.

Лиза сидела на подоконнике, перебирая детские воспоминания. Откуда-то издали послышалась неуверенная мелодия. Спотыкаясь, она никак не могла разлиться вволю. Лиза замерла, прислушиваясь, пытаясь определить, что это. Слабые звуки долетали едва-едва. Видимо, детские ручонки выводили снова и снова воздушную польку. Это была флейта. Волшебная городская дудочка.

НА ПОСЛЕДНЕМ

Ковер бы выкинуть давно... Сколько раз бабушке говорил... Да теперь уж ладно, пусть сама решает. Они наверняка будут рады его новости. Бабушка столько лет спала в кухне, а теперь наконец сможет спокойно вздохнуть. Только отчего ж так тоскливо?

Ему хотелось пройти по комнате, как в американских фильмах, когда герой прощается с домом, медленно шагая по пустым коридорам, прикасаясь к знакомым стенам... Но весь проход между его разложенным диваном, громоздким письменным столом и шифоньером преодолевался за три неуклюжих шага.

Диван... Когда-то очень дорогой, чешский, пахнувший новизной, доставшийся дедушке каким-то невероятными усилиями. Теперь, с вытертой красной вельветовой обивкой и выползающим из всех щелей поролоном, он представлял собой унылое зрелище. Никита твердо решил, что уговорит Настю купить кровать. Неважно, что квартира будет съемная. О кровати он мечтал всегда: всю жизнь спал с ощущением, будто это временное место. Этот ритуал, каждый вечер раскладывать и утром снова складывать диван – он напоминал поездку в поезде: скатать матрас, сдать белье... Наверное, как и у всех малышей, у него была когда-то маленькая кроватка. Но сколько он себя помнил, этот диван был неизменным и таким недвижимым, он как будто врос в комнату, со временем даже отказавшись складываться.

Он уговорит Настю, хоть они уже и поссорились из-за кровати. У нее же куча идей, как заполнить пространство, создать «уют». А ему нужно так мало. Ей придется уступить. Теперь он будет решать. Так должно быть. Он мужчина.

Никита заметил, что стучит пальцами по запыленной коробке. Компьютер... За четыре месяца он так и не нашел время, чтобы подключить отчиму ноутбук. А ведь тот пару раз спрашивал, а потом, видимо, застеснялся.

Стало стыдно и совсем тоскливо. Он вспомнил, как они ездили в магазин. Мама, конечно, тоже поехала, такие покупки всегда выбирали вместе, готовясь и обсуждая уже за неделю, а то и две. Никита ощущал на себе сочувствующие взгляды продавцов и злился, когда молодой высокомерный парень демонстративно игнорировал чудаковатую пару и обращался с предложениями только к Никите. А мать с отчимом, как дети, подходили к каждой модели, трогали, читали вслух описание и рекламные брошюры. Им было важно выбрать самим. И Никита молча ждал, не отвечая продавцу.

Когда-то он стеснялся ходить с мамой в магазин: смущала ее болтливость, наивные вопросы, привычка разговаривать с незнакомцами. Продавщицы обычно бывали вежливыми, но ему это казалось лживым. Мать не понимала детского смущения, но на помощь часто приходила бабушка: она находила маме дела по дому, а в магазин с внуком ходила сама.

А потом появился отчим. Точнее, сначала он был просто Славик. Смешной, застенчивый, немного заикающийся. Познакомились с мамой в социальном центре на занятиях. У них оказались одинаковые диагнозы, и они радовались этому так искренне, как будто не сниженный интеллект, а особый мир связывал их.

Никита помнил, как Славик приходил в гости и все говорил, говорил, больше мамы, но при этом постоянно краснея. Никите было лет тринадцать, жизнь кипела, и он не заметил, как Славик стал частым гостем, болтал какую-то ерунду

про свадьбу. В «детскую» Славик не входил, иногда подолгу смущенно топчась на пороге. А Никита забавлялся, зная, что тот ждет, что его окликнут, а нет, так и будет стоять, хоть полдня.

Однажды вечером Никита вошел в подъезд и услышал шорохи под лестницей. Привычное дело: там часто болтались ребята или курили семейные мужики. Он уже начал подниматься к лифту, но что-то знакомое уловил в шепоте. Он резко повернулся и заметил мамино пальто.

– Ты чего тут?! – крикнул он.

– Привет, Никит! – мать по-доброму улыбнулась, шагнув к лестнице. Только сейчас он увидел в ее руках розу в дешевом целлофане. – А мы тут со Славой болтаем, – за маминой спиной перетаптывался Славик. Лица не было видно, но Никита и так мог представить его обычное выражение неловкости.

– Совсем сдурели?! – Никита и сам вздрогнул от своего крика. Возмущение, гнев, стыд – все слилось воедино. – Кухни вам не хватает?! На весь дом позориться решили! – перед глазами замелькали картинки, как соседи, поднимаясь к лифту, вежливо отводили глаза. Как мать по своей привычке наверняка с каждым заговаривала. Воображение мгновенно надумало о всеобщем смехе, сплетнях и перешептываниях. Стыд навалился на него, такой огромный и невыносимый, что он впервые заорал на мать, не думая, что кто-то может войти в подъезд. А они стояли растерянные, смущенные, непонимающие. Потом он ухватил мать под руку и потащил к лифту, рывкнув Славика, чтобы валил, пока жив. Тот так и замер внизу, пугливо прижимая мамину сумку.

Никита не помнил, что он орал маме, не помнил, что пытался прокричать бабушке. Он нарочито громко хлопал дверьми в квартире, что-то рвал, выкидывал в окно, потом со злобой тщетно пытался прилепить самодельный крючок, чтобы запереться в комнате, хотя к нему и так никто не заходил. Он проснулся за полночь. Заглянул в спальню – бабушка спала. В комнате пахло валерьянкой. Из ванной слышалось журчание. Он открыл дверь. Там была мама. Она сидела на краю ванной и плакала... Его мама, простоватая («Уж лучше бы молчала», – случалось сердился Никита), но улыбчивая и светлая, никогда не плакала. Или просто он никогда не видел... Что бы ни происходило, она не унывала: улыбалась восторженно или задумчиво, сочувственно или с сожалением, но улыбалась.

Он растерялся, не зная, что делать. А мама сжимала в пальцах сломавшуюся подвядшую розу и плакала.

Даже сейчас, вспоминая ту сцену, ему было все так же горько. И вроде всё потом наладилось, со временем он привык к Славика; никто не вспоминал ту вспышку ярости... Но отвратительное щемящее ощущение в горле иногда накатывало. Вот и сейчас он некстати вспомнил этот случай, хотя и так было паршиво. Он знал, как родителям хотелось свой ноутбук, как им важно было «не отставать» от прогресса... Теперь обязательно надо успеть подключить. Только где же выкроить время. Переезд, работа, Настя... Но без него точно не справятся.

– Никит! – в дверь постучали.

– Да, бабуль, чего?

– Никитушка, обед готов. Ты поешь или подождем маму? Они уже вот-вот должны прийти, – бабушка приоткрыла дверь. – А ты чего такой? У тебя всё в порядке? Бледный какой-то – не заболел? – она дотянулась до его лба. – Вроде прохладный. Работаешь ты много, совсем зеленый стал.

– Да не, все нормально, ба. Я подожду, вместе поедим. – Ему хотелось оттянуть момент разговора, еще какое-то время не слышать их вопросов, не видеть их лиц... – Мусор есть? Выйду, подышу.

Никита вышел на лестничную площадку. Удивительно чисто. Только паутины у потолка ещё с лета. Последний, девятый этаж, чужие сюда не забирались. Он оглядывал знакомые стены, перила, с выцарапанным им самим лет в десять «Цой жив». Он тогда и не знал, кто это. Просто видел везде надписи и повторил.

Сколько времени он проводил здесь, откладывая момент возвращения домой, когда нес из школы очередную двойку или весть о пропаже сменки, когда прятал в портфель трофейный, честно выигранный арбалет, который бабушка заставила потом отдать обратно. Он стоял и по детской привычке ковырял ботинком скол плитки у ступеньки. Возле соседней 143-й квартиры узор из уродливых коричневых квадратиков сбивался. Не хватило, видать, цветной плитки и все залепили белой. В детстве он был уверен, что там, под этим белым куском находится лаз. Настоящий, секретный. Только нужно встать на нужное место, чтобы он открылся. Он улыбнулся, вспоминая, как пытался «нажать» правой ногой на свой коврик, а левой на соседский – это и была тайная схема. Потом старуха-соседка жаловалась бабушке: «Никита-то ваш об мой коврик ноги вытирает, чтобы ваш не пачкать». А он стоял, вдавливая подбородок в грудь, готовый взять на себя любую вину, но не выдать догадку о потайном лазе. Да и отпираться было глупо – на цветастом коврике развалились фигурные кусочки мартовской грязи с его ботинок.

Лифт поднимался, приближая знакомые голоса. Через пару мгновений двери открылись:

– Никита, привет! А ты чего так рано? – мама поцеловала его в щеку.

– П-п-привет, Ни-и-кит, – отчим протянул красную от холода руку.

– Привет! Да поговорить хотел. Мы с Настей собираемся жить вместе. – Он выпалил это так быстро, что сам не понял, как проговорился. Но в тот же момент стало удивительно легко, как в детстве, когда приходил с плохими новостями, а дома сидели гости, и никто уже ругаться не мог.

– Вот это новость! – мама засияла. – Здорово, Настенька хорошая такая!

– Поз-здр-здравляю! – Славик снова протянул руку.

– Да, спасибо, пока не с чем особо, – Никита был смущен их реакцией и досадовал на себя, что так долго тянул с новостью.

– А бабушке говорил? – мама звонила в дверь, неотрывно глядя на Никиту и улыбаясь.

– Не успел еще, вас ждал.

Бабушка открыла, они зашли в коридор.

– Мам, Никита-то наш женится! – выпалила мама.

– Этого я, между прочим, не говорил. – Никита улыбнулся маминой прямо-те.

– Да ладно уж, понятное дело! – мама подмигнула ему. – Настя к нам переезжает, будем все вместе!

Повисло молчание. Бабушка удивленно взглянула на Никиту, который растерялся от маминых слов. Славик стоял у двери, не решаясь пройти дальше, пока все столпились на проходе.

– Это правда, Никитушка? – бабушка прижала руки и расплылась в улыбке.

– Ты мой дорогой! А я смотрю: чего такой с утра? Что ж не сказал, думал, род-

ная бабушка не поймет? Да мы все так любим Настю! Давно пора. А то живет с подружкой на съемной квартире, и ей житья нет, и ты, бедный, выдохся туда вечерами ездить. А тут и дом, и все свои, и на всем готовом.

Никита стоял, не зная, как лучше продолжить разговор.

– Да это еще не решено. Может, мы обедать пойдем? – ему было неловко стоять под общими взглядами и улыбками, осознавая, что придется их разочаровать.

– Конечно, идем! – мама сняла пальто и пошла мыть руки. Славик продвинулся вперед и начал старательно пыхтеть над шнурами.

– Это еще не точно, бабуль. Свое жильё все-таки хочется... Может, мы одни...

– Конечно, свое лучше. Эта-то квартира твоя. И комната у вас своя будет. Мы маму со Славиком в «детскую» переселим, а вас в спальню. Кровать купим или диван раскладной? Хотя места там много, чего вам на диване мучиться.

– Да я не знаю, ба, – Никита совсем растерялся, уже не понимая, где его мысли, где Настины, где бабушкины... – Может, снимать лучше...

– Да чем же это лучше?! Сам сказал: свое жильё хочется. Настя что ли хочет?

– Вроде того, – ему снова стало стыдно за вранье, но сказать по-другому не получилось. С другой стороны, это и правда была Настина идея. Как и сейчас с бабушкой, так и месяц назад в разговоре с Настей он и не заметил, как предложил ей жить вместе. Она что-то говорила про цветочные сочетания в доме, он как-то невнятно пошутил... и тут она вдруг расплакалась, что ему на нее плевать, и он и не любит ее вовсе, раз за два года не предложил жить вместе... Ни с чего как давай рыдать. Он и предложил. Потом они сразу помирились, и он удивлялся, почему раньше сам не додумался, ведь это так просто и логично – жить со своей девушкой вместе... – Мы пока еще не решили, бабуль. Снимать квартиру сейчас легко, можно найти недорогого и к работе поближе.

– Ох, натаскались мы с дедом по казармам и съемным квартирам! И уж бывало и комната хорошая, и соседи замечательные, и жили дружно... но ничего не сравнится со своим жильем. Здесь каждый угол твой. Тепло хранит, воспоминания, и все здесь так, как хочется именно тебе. А в съемной квартире каждый шаг обдумай, даже стены пахнут чем-то чужим, лишний раз гвоздь не прибьешь – разрешение спрашивать нужно. А ведь это, Никитушка, очень важно, когда можешь сам решать. А что Настя хочет, так ей так и так вдали от своих жить. Но она просто пока не понимает: на тебя и приготовить, и постирать, и погладить, а она сама работает и учится вечерами. Когда все успевать будет? Вот и начнется у вас ругань. А тут еще и квартира съемная.

– Ну, это мы еще не решили. Мы пока обсуждаем...

– А чего обсуждать, если здесь твой дом. Все-таки мужчина должен решать, а ей придется и уступать иногда. Так она и строится – семья-то. – Бабушка принесла маме полотенце. – Ну, пойдемте обедать! Теперь столько всего надо обдумать! Славик, что ты все мнешься у двери, разделся, так иди за стол.

Славик неуклюже протиснулся за женщинами на кухню. Никита рассеянно захлопнул входную дверь и осмотрелся. Из его комнаты выглядывал край дивана с уютно свисающим пледом. Он остановился на пороге, пытаясь понять, что теперь делать.

БЛИЗНЕЦ

– Пошел на хрен! Я тебя с лестницы спущу!

– Мы на улице, дурень!

– Вон, я сказал!

– Олечка-сыроежка! Ты же знаешь, ничего ты мне не сделаешь. Мы ж родные люди.

– Вот и сделаю, урод! Я тебя... – Олег замахнулся огромным разбухшим кулаком. Спешащая навстречу девушка пискнув метнулась к дороге.

– Чего людей пугаешь, болван? Ой, ты глянь, как вылупилась на тебя – вот умора! – он начал гоготать во все горло, тыча пальцем в прохожую. – Ща глаза вывалятся от ужаса!

– Большой! – бросила девушка и засеменила на звонких каблуках по другой дорожке.

– Как она тебя, а? Получил?

– Пошел к черту! – злобно прошипел Олег.

– А чего ждать? Давай прямо сейчас? Как мужики! Ну же, давай! – он начал махать кулачками перед носом у Олега, ехидно посмеиваясь.

Олег старался не поднимать головы, он шел знакомым маршрутом, периодически громко сплевывая под ноги. Перед глазами мелькали грязные лужи, прилипшие жвачки, сморщенные окурки.

– Пройдемся по двору? Вон спиногрызы орут – давай распугаем! – он состроил уродливую гримасу. – Ну давай, весело будет! Помнишь, как в прошлый раз они разбежались по домам, как только мы подошли к площадке? А мамашки, мамашки-то! Своих слюнявых кривоножек подхватили и давай в коляски сажать! А те орут, не поймут, что такое!

Олег повернул за угол дома и двинулся к проспекту, прочь от стыдливых воспоминаний о площадке.

– Стой! Ты куда? Эй!

– Сам знаешь!

– В магазин?! Опять за старое! Давай лучше погуляем! Пожалуйста, я буду хорошо себя вести! А в магазине сейчас народу – туча! Все будут на тебя пялиться, а ты боишься!

– Ни хрена я не боюсь!

– Олечка-ежка, я ведь по-хорошему прошу: не ходи в магазин. Я ж не отстану. Помнишь, как в прошлом месяце тебя охранники вытолкали? И милицией угрожали.

– Я те покажу! Только попробуй! Измочалю! – Олег не удержался и пнул ногой куда-то в воздух. Группа соседских мужиков, пьющих у гаража, покосились на него и отвернулись.

– Мазила! – звонкий смешок забулькал истерическими переливами. – И не стыдно тебе так с родным братом! Тем более, я тебя младше!

Олег остановился у дверей магазина в нерешительности. Народ бесконечным потоком заходил внутрь, периодически задевая его. Безразличные толчки напомнили ему о метро. Голова начал кружиться, а подступающая тошнота уже заполняла горло. В метро он не был уже несколько лет. В последний раз пришлось выйти на остановку раньше, когда он заметил, что очкастая тетка начала нажимать кнопку связи с машинистом, косясь на него. И весь вагон смотрел, кучкуясь у выходов.

– Ну зачем тебе пить? Ты матери обещал бросить, – услышал Олег вьедливый дотошный голос. Матери он, конечно, обещал, но она давно не верит. Навещает раз в неделю, принося частями его пособие по инвалидности. Бойтся, что пропьет сразу. Она не понимает. Не понимает, что не пить уже нельзя.

– Отвали, тогда и брошу!

– Родной мой, я тебя не оставлю. Мы ж близнецы! – ехидная улыбка озаряла его лицо.

– Оставишь, урод! Сам знаешь! – Олег заметил любопытные взгляды. Злость, смешиваясь со страхом подкатывала, грозя разразиться новым приступом.

Он развернулся и помчался к светофору. Обратный отсчет зеленого света поторапливал. Вот и осталось два шага до серой палатки. Знакомый армянин скучающе смотрел из окошка.

– Две. Большие. Как обычно, – руки Олега судорожно выудили из карманов мятые купюры. Армянин неспешно исчез в глубине. Брат стоял, злобно скалясь.

Армянин вынырнул, поставив на прилавок две двухлитровые пластиковые бутылки. Не дожидаясь, пока продавец пересчитает деньги, Олег трясущимися руками отвинтил крышку и жадно приклеился к горлышку. Теплое пиво пенилось, ускользя струйками по его щетинистому подбородку.

Армянин брезгливо наблюдал:

– Может, заесть возьмешь? Хлеба возьмёшь?

Олег залпом выпил половину бутылки, громко выматерился от облегчения и посмотрел по сторонам.

– Ну что, урод, свалил?! Вали-вали, пока цел! – прокричал он куда-то вверх.

Армянин, качая головой, поспешил закрыть окно палатки. Олег озирался, скалясь гнилой улыбкой. Брата не было. Он пихнул в полуоторванный карман непечатую бутылку, а вторую крепко прижал к себе: пробка куда-то улетела.

Добравшись до подъезда, он взглянул на детскую площадку. Та гудела, смеялась, жила воскресной жизнью. Ему захотелось швырнуть туда бутылкой, чтобы всё вмиг утихло. Отвратительный детский визг эхом отдавался в голове. Несчастный случай... Он бы давно забыл, если б не они... Если б не их мерзкий крик. Он залпом влил в себя остатки пива, вторую бутылку он допьет дома. А когда протрезвеет, уже настанет вечер, и они замолчат, тогда можно будет и ночь как-нибудь протянуть.

Поднявшись к квартире, заплевывая лестницу, он завистливо замер возле соседской двери. Как бы хотел он жить в той квартире. Пусть и в однушке, но с окнами на проспект. Что угодно, лишь бы не слышать детский крик! Прошло уже больше двадцати лет, а эти звуки всё не смолкали. Если бы не этот крик тогда, он бы услышал и успел на помощь. Он бы спас брата. Он бы успел... Не он, так кто-то другой. Если б только кто-то услышал...

В квартире ему на миг привиделось, что брат тут. Он не сразу сообразил, что смотрит на свое отражение в зеркале. Они были абсолютно одинаковыми. Только шрам, который брат схлопотал в шесть лет, прыгая с крыши гаража, только эта маленькая полоска возле рта отличала их. Брат всегда был неугомным, стремительным, все нёсся куда-то. Мать шутила, что если б первым в родах шел брат, то не понадобилось бы кесарево сечение. Это Олег никак не хотел рождаться. Он всегда тормозил. Он и тогда не пошел с братом к люкам.

Струсил. Если бы пошел, ничего бы не случилось. А он остался на площадке и ничего не услышал из-за неугомонного детского крика.

Олег стянул грязные ботинки и доплелся до окна. Он прислонил к стеклу фанерную доску, недавно найденную на помойке, притащил с дивана старые подушки и плед, поплотнее завалил подоконник и задернул шторы. В комнате стало тише. Сейчас ему плевать, но когда он начнет трезветь, крики заполняют квартиру, с издевкой разлетаясь эхом по углам. И тогда брат вернется. Сядет напротив и уставится брезгливо и жалостливо. А Олегу нечего будет сказать. Он и сам себя ненавидит. Он уродлив и убог в своем отражении. Брат выглядит лучше. Он выглядит так, как Олег лет пятнадцать назад, когда лекарства еще помогали. Интересно, если бы они не были близнецами, в каком бы облике приходил его брат? Тем десятилетним пацаном? Ведь фантазия не смогла бы додумать, каким он бы вырос, останься в живых. Но судьба посмеялась. Олег видел брата в своем отражении, знал все его черты.

Когда-то ему очень хорошо подобрали таблетки, и брат не приходил лет семь или восемь. Олег жил почти как нормальный подросток. Даже школу закончил на домашнем обучении. Он мог выходить на улицу один, только обходил стороной детские площадки. Теперь все эти психиатры нужны были лишь для продления инвалидности. Их лекарства больше не действуют. Брат уходит только тогда, когда Олег пьян. Он объяснял это безмозглым врачам на комиссии в психдиспансере. Они только качали головой и утешали мать.

Олег включил погромче телевизор, нашел какой-то ужастик и безразлично уставился в экран. Ему бы только рассчитать вторую бутылку так, чтобы не протрезветь до вечера. А там и ночь.

В июле 2016 года отмечают:

60-летие

Раушан БУРКИТБАЕВА-НУКЕНОВА, поэт

Валерий ЗУБОВ, поэт

70-летие

Салим МЕНДИБАЕВ, прозаик

***Редакция журнала «Простор»
сердечно поздравляет юбиляров!***

